
Ведьма
на испытательном
сроке
Устроиться на работу было сложно.
Скрывать магию — ещё сложнее.
Клара Уитмор

Клара Уитмор

Ведьма на испытательном сроке

https://litres.ru/74771109
SelfPub; 2026

Аннотация

Новая работа. Новый город. Ни одного заклинания. План был прекрасный — пока чайник не заговорил при покупателях.

Варвара Лисицына, потомственная ведьма двадцати девяти лет, устраивается в книжный магазин с кофейным уголком. Ей нужны зарплата, съёмная квартира и возможность самой решать, как жить. Желательно без семейных советов.

Но вещи на тихой Липовой улице ведут себя странно: проданная книга возвращается, старые ярлыки оказываются опаснее опечаток, а из обычной кладовой однажды становится невозможно выйти. Спокойный и слишком наблюдательный начальник Артём Северин явно знает об этом больше, чем говорит.

Чтобы разобраться, Варе придётся нарушить собственное правило, попросить помощи и выяснить, почему старая магия так упорно возвращает всё на прежние места. Даже людей, которые давно выбрали другую жизнь.

Уютное городское фэнтези с юмором, тайнами старой улицы, своенравным котом и романтикой, которой не было в рабочем расписании.

Содержание

Глава 1. Рекомендации не требуются 8
Глава 2. Квартира с дополнительным жильцом 18
Глава 3. Всё по алфавиту 29
Глава 4. Чайник имеет мнение 39
Глава 5. Комитет по сохранению прекрасного 49
Глава 6. Покупатель всегда возвращается 59
Глава 7. Не я одна 71
Глава 8. Бюро вещей, которые передумали 81
Конец ознакомительного фрагмента. 84

Клара Уитмор
Ведьма на испытательном сроке

КЛАРА УИТМОР
Ведьма

на испытательном

сроке
Устроиться на работу было сложно.

Скрывать магию — ещё сложнее.
Роман
2026

Клара Уитмор
Ведьма на испытательном сроке
Устроиться на работу было сложно.

Скрывать магию — ещё сложнее.
Уютное городское фэнтези
© Клара Уитмор, 2026
Все права защищены.

Это художественное произведение. Персонажи и события вымышлены. Любые совпадения с реальными людьми и событиями случайны.

Содержание

1. Рекомендации не требуются 4
2. Квартира с дополнительным жильцом 11
3. Всё по алфавиту 19
4. Чайник имеет мнение 26
5. Комитет по сохранению прекрасного 33
6. Покупатель всегда возвращается 40
7. Не я одна 48
8. Бюро вещей, которые передумали 55
9. Два владельца одной чашки 62
10. Суббота по расписанию 70
11. Адрес, которого больше нет 78
12. Почти свидание, почти допрос 84
13. Дверь не туда 92
14. Я ведьма. Это не резюме 100
15. Правила совместной катастрофы 109
16. Прошлое с бесплатной доставкой 116
17. Очень полезный человек 123
18. Не так я хотела рассказать 131
19. Родственники прибывают с советами 139
20. Испытание на маленьком 148
21. Предложение, от которого можно отказаться 157

22. Праздник пока не отменяется 167
23. Четыре вещи и много взрослых людей 174
24. Уют, из которого не выйти 182
25. Нельзя сохранить человека вместо него 191
26. Вернуть не значит забрать 199
27. Улица без гарантии 209
28. Испытательный срок окончен 217

Глава 1. Рекомендации не требуются

Книга подползла к моему локтю, когда будущий начальник спросил, умею ли я работать без постоянного контроля.

— Умею, — сказала я, накрыла книгу резюме и прижала ладонью.

Резюме получилось хорошее. Одна страница, аккуратные поля, никаких способностей, которые следовало бы отдельно согласовать с пожарной охраной. В двадцать девять лет я наконец научилась описывать семейную лавку словами «розничная торговля», а ведьмовство — не описывать вовсе.

Мужчина напротив отложил моё сопроводительное письмо.

— А если возникает проблема, которую не получается решить?

Под резюме шевельнулся картонный уголок.

— Сообщаю руководителю.

Он кивнул. Книга остановилась. Я решила считать это удачным началом.

Всего минуту назад она мирно лежала на столе для приёмки, среди других подержанных книг. Я взяла её, чтобы освободить место для сумки, зацепила пальцем отстающую учётную полоску и тут же пожалела. Подушечку кольнуло знако-

мым теплом. Перед собеседованием я нервничала, сжимала чужую бумажку и очень хотела, чтобы хоть что-нибудь сегодня оказалось на своём месте.

Теперь справочник по садоводству настойчиво возвращался туда, откуда я его подняла.

Я убрала палец с полоски. Никаких мысленных распоряжений. Никаких просьб к неодушевлённым предметам. Для начала — просто сидеть.

— Артём Северин, — представился мужчина. — Мы переписывались вчера.

— Варвара Лисицына. Можно Варя.

— Артём, без отчества. У нас небольшой магазин.

Он произнёс это спокойно, без приглашения немедленно стать семьёй. Мне понравилось.

Через открытый дверной проём был виден торговый зал: два длинных стеллажа, стол с новинками и лестница на колёсиках, придвинутая к верхним полкам. В переднем окне стояла чашка с надписью «Не для продажи». Судя по приклеенной ниже второй бумажке, её всё равно регулярно пытались купить. Кофейный уголок занимал нишу у входа. Там никого не было, но в сушилке оставались перевёрнутые стаканы.

Я приехала в Липовск утренним автобусом. Камера хранения на автостанции приняла мой чемодан с готовностью, которой я надеялась добиться и от местного рынка труда. До собеседования оставалось сорок минут; я прошлась по

Липовой улице, съела купленный в дорогу хлебец и дважды проверила сообщение от женщины, сдававшей комнату.

В объявлении магазина требовался администратор, знакомый с учётом товара и покупателями. Я была знакома с теми и другими. Последние, по моему опыту, доставляли больше хлопот, хотя товар иногда тоже проявлял инициативу.

Артём перевернул лист.

— Шесть лет на одном месте?

— В семейном деле. Заказы, поставки, касса, учёт. Последние два года ещё интернет-заказы.

— Почему ушли?

За его плечом на стене висели ножницы, линейка и узкая кисть с подсохшим клеем. Рядом на доске лежала книга со снятым корешком. Всё было разложено так, чтобы можно было дотянуться одной рукой.

Я посмотрела на кисть.

— Перестало получаться разделять работу и семью.

— В каком смысле?

— Если я ошибалась с накладной, вечером об этом говорили за ужином. Если не приезжала на ужин, утром начинали с этого на работе.

Он ненадолго задумался.

— Рекомендацию оттуда дадут?

— Дадут. Очень подробную.

Мой телефон завибрировал в сумке. Я не стала смотреть: никто, кроме тёти Лидии, не знал, что именно сейчас мне

необходима полная сосредоточенность.

— Но я предпочла бы, чтобы вы сначала посмотрели, как я работаю, — добавила я.

Артём не потянулся записывать номер. Вместо этого подвинул ко мне ноутбук.

— Можно. Только ничего пока не меняйте. Здесь заказ на самовывоз. Покупатель будет минут через десять. По учёту нужная книга есть, на полке её нет. Посмотрите, с чего начнёте.

Я осторожно убрала руку с резюме. Справочник больше не двигался.

На экране была карточка старого атласа Липовской области. Остаток — один экземпляр. Место хранения — краеведение, второй стеллаж. В комментарии значилось: «Дарственная надпись, надрыв на карте». Заказчик просил отложить экземпляр без пометок.

— Сначала уточню, какой именно атлас обещали, — сказала я. — У вас фотография относится к этому экземпляру?

— Должна.

На фото был гладкий синий переплёт. На приёмном столе рядом с моим опасным справочником лежал точно такой же, только с заметно потёртыми углами.

— Можно?

Артём кивнул.

Я подняла атлас, на этот раз за край обложки, не касаясь полоски. На титуле было пожелание Серёже от коллег к пя-

тидесятилетию. На развороте — обещанный надрыв. Пожелание занимало почти треть страницы и исключало всякую возможность продать книгу как «без пометок».

— А принятых экземпляров было два?

— На прошлой неделе. Один уже купили.

— Есть история операций?

Он открыл другое окно. Я подтянула ноутбук ближе. От волнения хотелось сразу предъявить готовое решение, но я заставила себя просмотреть даты.

Два атласа поступили с разницей в три дня. Второй добавили в ту же карточку; его фотография заменила первую. После продажи одного программа оставила остаток, описание старого экземпляра и фотографию нового.

— Кажется, вот. В одной карточке два разных состояния. Купили чистый, остался с надписью. Это не потеря товара. Нужно разделить учёт и предупредить заказчика до приезда.

— Разделить сейчас успеете?

— Если покажете, как у вас создаётся отдельный экземпляр. Я с этой программой не работала.

Артём посмотрел на меня и развернул ноутбук обратно.

— Вот это хорошее начало.

Я не сразу поняла, что он имел в виду: найденную ошибку или признание, что я чего-то не умею. Дома второе обычно требовало немедленного обучающего совета.

Он показал нужную вкладку. Я записала последовательность на обороте автобусного чека, попросила проверить но-

вую карточку до сохранения и только потом нажала кнопку.

Дверной колокольчик звякнул.

— Уже приехал, — сказал Артём.

В зал вошёл мужчина с велосипедным шлемом в руке. Он не выглядел человеком, которому хотелось обсуждать особенности складской программы.

— Атлас забрать. На фамилию Зотов.

— Добрый день. С вашим заказом обнаружилась ошибка, — начал Артём.

Я осталась у стола. Меня ещё не наняли, и влезать в разговор не следовало. Но когда покупатель открыл атлас, увидел поздравление Серёже и медленно выдохнул, мне захотелось исчезнуть вместе с учётной карточкой.

— Мне на подарок. Я специально спросил, есть ли надписи.

— Да. Мы отправили вам фотографию другого экземпляра. Извините.

— Я через весь город ехал.

Артём не стал объяснять, кто именно завёл карточку и почему случилась ошибка. Не попытался убедить мужчину, что дарственная надпись добавляет изданию обаяния. Просто выслушал.

Я повернула экран. В соседней вкладке были новые книги, и среди них — современный атлас той же области, который я заметила ещё во время поиска. Он стоил дороже.

— У вас вот этот есть в зале? — тихо спросила я.

Артём посмотрел и кивнул на верхнюю полку.

Я достала книгу, открыла оглавление и положила рядом с первой.

— Здесь меньше старых фотографий, зато есть отдельные карты районов. Если подарок человеку, который ездит по области, может подойти. Посмотрите, пожалуйста.

Мужчина полистал обе. Он спросил цену, нахмурился, ещё раз сравнил карты и уточнил, можно ли упаковать.

Артём назвал обычную цену и предложил упаковку за счёт магазина.

— Только без поздравлений внутри, — сказал Зотов.

Когда дверь за ним закрылась, я вернула старый атлас на стол.

— Его карточку тоже нужно проверить, — сказала я. — Чтобы ещё раз не обещать чистый экземпляр.

— Уже проверяем. И остальные подержанные книги придётся развести по экземплярам. У нас эту часть учёта вели по-разному.

Я подумала о полках, о бумажных полосках и о том, сколько дней можно честно провести за работой, если не пытаться ускорить её одним неосторожным желанием.

— Это я могу.

Артём принёс из зала второй стул и поставил рядом со мной. Я переложила на него сумку с колен и наконец смогла сесть поудобнее. Он подождал, пока я освобожу руки, и вернулся к своему месту.

Теперь я рассмотрела его лучше. Тёмные волосы были коротко подстрижены; на рукаве рубашки засохла белая точка клея. Похоже, ради собеседования он оторвался сразу от нескольких незаконченных дел.

— Расскажу условия, — сказал он. — А вы скажете, подходит ли.

Я выпрямилась.

Сорок две тысячи в месяц на руки. Пять смен в неделю, выходные по графику. Вечерние мероприятия — по предварительной договорённости, с отдельным учётом времени. На испытательном сроке зарплата та же. Сам срок — два месяца.

— Основное: заказы, приёмка, каталог и посетители. Потом подключим мероприятия. Даша занимается кофе и программой, но ей нужен человек, который возьмёт организационную часть. За кофемашину сразу ставить не буду.

— Могу научиться.

— Сначала научитесь уходить вовремя. Здесь легко остаться до ночи, потому что обязательно найдётся ещё одна коробка.

Он произнёс это и посмотрел на коробки под собственным столом.

— Я тоже учусь, — добавил он.

Я спросила о перерыве и дне выплаты. Услышала нормальные ответы. Ещё раз посмотрела на сумму, которую записала на чеке: её хватало на комнату, еду и перевод домой.

Без размаха, но хватало.

— Когда сможете выйти?

— Завтра.

— В половине десятого. Магазин открываем в десять. До открытия оформим документы и спокойно всё покажем.

Я кивнула раньше, чем успела вспомнить, что полагалось хотя бы сделать вид, будто рассматриваю другие предложения.

— И ещё, Варя. Если с заказом что-то не так, не ждите, пока покупатель приедет. Лучше лишний раз спросить.

— Конечно.

Это слово далось мне слишком легко. Я опустила глаза.

Справочник по садоводству лежал возле локтя, наполовину закрытый моим резюме. Я могла прямо сейчас сказать: «Тут есть небольшая особенность. Иногда вещи слушаются меня, а иногда — чего-то ещё». Но в магазине пахло бумагой и клеем, в кармане лежал чек с настоящей зарплатой, и ничего из этого я не хотела потерять за три минуты до начала новой жизни.

— Полоска отстаёт, — сказала я вместо этого. — Куда положить, чтобы не потерялась?

— Внутрь. Всё с этого стола ещё на проверку. Эту книгу принесли с другими вещами для выставки, я пока не разбирал.

Он вышел к кассе за распечаткой с перечнем документов.

Я открыла справочник. Бумажная полоска была заправле-

на под передний клапан старой самодельной обёртки. На полоске стояло другое название: «Домашние заготовки». Номер тоже не совпадал с карандашной отметкой на последней странице. Просто ещё одна неверная бирка. Я уже потянулась переложить её отдельно, но под отогнувшимся краем обёртки увидела надпись синими чернилами.

«Е. М. Круглова. Липовск, Липовая, 12. 1978».

Несколько секунд я смотрела на цифры. Потом вынула телефон.

Утреннее сообщение от Нины Павловны было коротким: «Жду после трёх. Липовая, 12. Калитку толкните посильнее, звонок не работает».

— Вот список, — сказал вернувшийся Артём.

Я закрыла справочник.

— Спасибо. Можно ручку ещё на секунду?

Он протянул её, и я записала фамилию на обороте чека, ниже будущей зарплаты.

На улице стих дождь. До трёх оставалось время забрать чемодан и поесть. У меня была работа, почти было жильё и имелось вполне разумное объяснение совпадению: старую книгу принесли из старого дома на той же улице.

Я повторила это объяснение по дороге до угла.

Потом остановилась и заглянула в сумку.

Справочника там не было. Он остался в магазине. Так и должно было быть.

Глава 2. Квартира с дополнительным жильцом

Хозяйка комнаты открыла калитку прежде, чем я успела решить, какой силы толчок будет вежливым.

— Поднимайте переднее колесо, — сказала она. — Там камень.

Камень я уже нашла. Чемодан встал поперёк входа, пакет с купленным пальто сполз с плеча, а тонкая куртка неприятно липла между лопатками. Пока я ходила на автостанцию за вещами, дождь вернулся.

Нина Павловна придержала калитку ногой и подхватила пакет.

— Вот так. Вы Варвара?

— Варя. Здравствуйте.

— Нина Павловна. Пойдёмте, пока опять не началось.

Дом стоял в глубине узкого участка. На фотографии из объявления он казался выше; в жизни был одноэтажным, с мансардой и двумя входами. У одного висела маленькая жестяная табличка с номером. Под ней виднелся прямоугольник более светлой краски, словно когда-то здесь сняли ещё одну.

Я посмотрела на окна. Никаких видимых причин для бегства. Хорошие рамы, водосток, целое крыльцо. После два-

дцати минут у окошка камеры хранения, где мне никак не могли найти сдачу, даже это внушало уверенность.

— Ваша половина с этой стороны. Я живу за стеной, но вход отдельный. Если что нужно, звоните. В дверь могу не услышать.

В объявлении было написано «комната с отдельным входом». Я приготовилась увидеть кровать посреди коридора. Вместо этого за дверью обнаружились маленькая прихожая, комната с двумя окнами и кухонная ниша. Дальше — душ и туалет. Плита на две конфорки, узкий холодильник, стол у окна. Всё скромное, вымытое, без кружевных салфеток на местах, где придётся ставить мокрую посуду.

— Кран вправо не выкручивайте до упора. Горячая вода идёт не сразу. Я покажу.

Она пустила воду и подождала, пока та согреется. Я стояла рядом с чемоданом и чувствовала, как постепенно отпускают плечи.

— А вечером можно приходить поздно?

Нина Павловна обернулась.

— К вам или вам?

— Мне. В магазине бывают мероприятия.

— Вам можно. Только калиткой не хлопайте. С гостями тоже можно, если не на постоянное проживание. На постоянное у меня другой тариф.

Она закрыла кран, проверила, не капает ли, и достала из кармана связку.

Мы сели за стол. Я ещё раз прочла договор, который она прислала накануне, сверила документы и спросила, где записаны показания счётчика. Нина Павловна показала страницу и молча дала мне время всё переписать. Она не торопила меня, и я спокойно дочитала договор.

Десять тысяч за месяц, три тысячи залог. Я перевела деньги. На экране банковского приложения осталось три тысячи семьсот тридцать рублей.

Рядом со мной на стуле лежало пальто за шестьсот.

Я купила его по дороге от автостанции в комиссионном магазине у рынка. Сначала зашла только обсохнуть и спросить, есть ли зонты. Зонты оказались новые и стоили дороже, чем мне хотелось тратить. Зато на отдельной стойке висело тёмно-зелёное шерстяное пальто с большими карманами и одной заменённой пуговицей. Продавщица честно показала старую заплатку на подкладке и отдала вещь дешевле цены на бирке.

Пальто пахло шерстью и средством от моли. В его правом кармане была дырка, и я сунула туда руку, проверяя глубину, но ничего, кроме гладкой подкладки, не нащупала. Решила зашить вечером.

Теперь шестьсот рублей казались суммой, заслуживающей обсуждения на семейном совете. Я убрала телефон раньше, чем мысленно пригласила на этот совет тётю.

— С работой получилось? — спросила Нина Павловна.

— Да. Завтра первый день. В «Переплёте».

— У Северина? Близко ходить.

— Вы его знаете?

— Знаю магазин. Книги иногда беру. Артём мне полку помог привезти, когда доставку перепутали. — Она пододвинула ключ. — Это от вашей двери. От калитки другой, маленький. Когда выходите, проверяйте, что защёлкнулась.

Она не стала рассказывать, женат ли он, чем болел в детстве и какие женщины ему подходят. Я уже собиралась поблагодарить её за редкое самообладание, когда на пороге появился кот.

Крупный, серо-белый, с одним надорванным ухом. Он переступил через лежавший поперёк прихожей ремень моей сумки, подошёл к чемодану и сел на крышку.

— А это Пломбир, — сказала Нина Павловна.

— В объявлении его не было.

— Он не любит фотографироваться. Кормить не нужно. Будет показывать, что голодный, не верьте.

Кот отвернулся от неё.

— Если мешает, выставляйте за дверь. У него ко мне отдельный ход с веранды. На улицу выходит сам.

Я протянула руку. Пломбир понюхал пальцы, не прикоснувшись носом, и перевёл взгляд на пакет с пальто.

Я замерла. Кошки иногда чувствовали на мне остаток работы; в семейной лавке однажды пришлось перенести полку с заказами, потому что соседская кошка три дня не пускала к ней курьера. Но сейчас я не различила ничего определённо-

го. Передо мной сидел чужой кот, заинтересовавшийся чужим запахом.

— Тут раньше жила Круглова? — спросила я, пока Нина Павловна убирала документы.

Её рука остановилась на застёжке папки.

— Евдокия Матвеевна? Очень давно. А откуда вы знаете?

— В магазине увидела книгу. Там надпись и этот адрес.

— Отсюда много книг разошлось. Дом старый, жильцы менялись. Я купила уже после неё.

— Она была вашей родственницей?

— Нет. — Нина Павловна посмотрела на часы. — Историю дома потом расскажу, если интересно. Мне сейчас в поликлинику, запись на четыре. Батареи вечером проверю у себя, у вас только вентиль не крутите. Если холодно, позвоните.

Она уже застёгивала сумку. Я кивнула и помогла ей освободить проход.

Когда дверь закрылась, Пломбир остался на чемодане.

— Мне бы распаковаться, — сказала я.

Он неторопливо переставил передние лапы.

Я открыла чемодан ровно настолько, чтобы вытащить полотенце. Кот спрыгнул, как только крышка перестала быть удобной, и ушёл осматривать кухню. Переговоры завершились без обязательств с обеих сторон.

Я сняла мокрую куртку, повесила на плечики возле душа и впервые за день села без необходимости немедленно ку-

да-то идти.

Из окна был виден двор: перевёрнутая лейка, скамейка, две грядки с поздней зеленью. За оградой женщина несла длинную коробку, держа её на сгибе руки; прохожий придержал ей соседнюю калитку. Где-то недалеко разгружали машину, и звякали пустые ящики.

Я распаковала вещи. На полке в шкафу обнаружилась чистая бумага. На стол я поставила ноутбук, рядом положила список документов из магазина. Резюме убрала в ящик: на сегодня оно свою работу выполнило.

Потом открыла сумку с продуктами. По дороге я купила хлеб, яйца, гречку и яблоки. На завтрак хватит. На ужин тоже, если не относиться к нему как к событию.

Телефон зазвонил, когда я пыталась найти маленькую кастрюлю.

Тётя Лидия.

На экране было ещё три пропущенных. Я поставила кастрюлю на плиту и ответила.

— Ты где?

— Уже в комнате. Заселилась.

— Я тебе с утра звоню.

— Я была на собеседовании.

— Я помню. Поэтому и звоню. Как прошло?

— Взяли. Завтра выхожу.

На другом конце стало тихо. Потом я услышала, как тётя сдвинула что-то по столу. Скорее всего, книгу заказов: она

разговаривала по телефону, занимаясь делами, и раздражалась, когда остальные поступали так же.

— Хорошо, — сказала она. — Это хорошо. Что за магазин?

Я рассказала про «Переплёт», график и обязанности. Сумму назвала тоже, хотя собиралась не называть.

— А жильё?

— Десять. Отдельный вход, кухня, душ.

— Покажи.

— Тёть Лид, я сейчас готовлю.

— На минутку переключи камеру. Я хоть посмотрю, где ты.

Я посмотрела на неразобранный чемодан, на куртку над душем и на кота, который устроился на единственном свободном стуле.

— Я вечером пришлю фотографию комнаты.

— У тебя голос усталый.

— Я с пяти утра на ногах.

— Вот именно. Можно было спокойно всё устроить, а потом ехать. Никто тебя не выгонял.

Я уменьшила огонь под кастрюлей. Вода ещё не закипела.

— Я знаю.

На семейной ярмарке никто тоже сначала не повышал голос. Тётя стояла рядом со мной, держала обеими руками край прилавка и очень тихо просила отпустить ведомость. Одна её серёжка ещё оставалась на месте, другая уже исчез-

ла. Через проход женщина пыталась удержать подарочную коробку, которая вырывалась у неё из рук.

Я моргнула. Передо мной была маленькая плита, пустая кастрюля на соседней конфорке и чужая кухонная прихватка с выцветшей клубникой.

— Как там расчёты? — спросила я.

— Заканчиваем. За аренду зала часть вернули. Светлана пока не прислала стоимость витрины.

— Пришли мне, когда будет. Первый перевод сделаю после зарплаты. Как договаривались.

— Варя, речь не о деньгах.

О деньгах речь тоже шла. Я видела, как тётя вечером складывала чеки, разравнивая каждый ладонью. Просто ей было легче обсуждать мою несамостоятельность, чем сказать, что расходы получились тяжёлыми.

— Я помню свою часть, — сказала я.

Она вздохнула.

— Тебе не нужно ничего доказывать. Вернулась бы, с заказами пока помогала бы мне. Без отдельных решений, спокойно. Постепенно всё наладилось бы.

Я взяла лежавший на столе список документов. Внизу рукой Артёма было дописано время: «9:30».

— Я завтра иду на новую работу.

— Я слышала.

— Тогда давай пока на этом остановимся.

Я сказала это тише, чем хотела, но отступать не стала.

Несколько секунд мы слушали друг друга. В трубке постукивали бумаги. У меня на плите наконец закипела вода.

— Поела? — спросила тётя.

— Готовлю.

— Не делай вид, что кофе считается обедом.

— Здесь у меня даже кофе пока нет.

— И это новая жизнь?

Я невольно улыбнулась.

— Поэтапно.

— Ладно. Фотографию всё-таки пришли. И напиши, как завтра пройдёт.

— Напишу.

Она отключилась. Я положила телефон экраном вниз и ещё немного постояла у плиты, слушая, как шумит вода.

Ужин получился обычный. Я пересолила гречку, порезала яблоко и поняла, что устала настолько, что не хочу даже ругать себя за соль. Пломбир ушёл, когда я открыла дверь проветрить кухню. За дверью он задержался, повернул голову к пакету с пальто и только потом спустился с крыльца.

Я не стала его окликать.

Вечером разложила на столе паспорт, остальные документы и блокнот. В блокноте было слишком много домашних записей; я перевернула его и начала с чистой стороны. Записала: «Спросить про приёмку. Узнать порядок возвратов. Не обещать покупателям того, чего нет в наличии».

Последний пункт перечитала. Он подходил не только к то-

варам, но развивать эту мысль не хотелось.

До сна нужно было ещё зашить карман. Я достала из дорожного набора иголку, села под лампу и вывернула пальто наизнанку. Подкладка у шва была прорезана аккуратно, сантиметра на два. Не износ — зацепили чем-то острым.

Я просунула два пальца в отверстие. Между подкладкой и тканью что-то хрустнуло.

На колени выпал сложенный вчетверо листок. Я сначала приняла его за чек прежней хозяйки, хотела отложить, но бумага была слишком плотной и пожелтела на сгибах.

Верхняя строка сохранилась: «ИЗВЕЩЕНИЕ». Ниже — номер отправления, несколько нечётких цифр и заполненные от руки графы.

«Кому: Кругловой Е. М.»

«Куда: ул. Липовая, д. 12».

Я положила иглу в коробочку.

Фамилия в книге. Адрес дома. Теперь карман пальто, которое я выбрала сама на стойке комиссионного магазина.

На обороте стоял круглый штемпель. Посередине отчётливо читалось «ЛИПОВСК», а в наружном ободке был небольшой разрыв, будто у печати откололся край. Год разобрать не удавалось: бумага протёрлась как раз на последней цифре.

Я принесла автобусный чек и положила рядом. Фамилия совпадала. Инициалы тоже.

Пальто могло принадлежать прежней хозяйке дома, а по-

том попасть в комиссионку, как её книги — в «Переплёт». Листок наверняка давно лежал в подкладке: днём я просто до него не дотянулась. По крайней мере, это объяснение пока годилось.

Я аккуратно расправила извещение между двумя чистыми страницами блокнота. Сфотографировала, чтобы утром проверить дату при хорошем свете. Потом достала чек из комиссионного: название магазина, время покупки, сумма. Пусть лежат вместе.

Нитку я всё-таки вдела и карман зашила. Медленно, мелкими стежками, не торопя иглу и не прося ткань соединиться самой.

Перед сном отправила тёте фотографию комнаты. Блокнот с извещением убрала из кадра.

Ответ пришёл почти сразу: «Нормально. Только кровать от окна отодвинь».

Я посмотрела на кровать, потом на окна. От рамы не тянуло. Кровать осталась на месте.

Я завела будильник на семь. Документы были собраны, одежда висела на спинке стула. Остался один вопрос к хозяйке.

Кем была Евдокия Матвеевна Круглова — и куда из этого дома разошлись её вещи?

Глава 3. Всё по алфавиту

В первый рабочий день я пришла с документами, бутербродом и твёрдым намерением не заслуживать любовь коллектива до обеденного перерыва.

Намерение продержалось до половины десятого.

— Вы не знаете, где здесь оставляют хлеб? — спросил мужчина у служебной двери.

Он держал два пластмассовых ящика. Из верхнего торчал угол белой бумаги, пахло тёплой корочкой. За его спиной водитель книжного фургона уже разворачивал тележку с коробками, которым предстояло пройти в ту же узкую дверь.

— Сейчас уточню, — сказала я.

— Мне бы быстро. Я тут во втором ряду.

Дверь открылась. Девушка в сером фартуке посмотрела на ящики, потом на тележку.

— Доброе утро всем сразу. Хлеб направо. Книги — пока никуда. Варя?

Я кивнула.

— Даша. Держи дверь, пожалуйста.

Ближайшую коробку я всё-таки подхватила. У неё оказался мягкий мокрый низ. Даша успела подставить ладонь, прежде чем книги высыпались на ступеньку, и мы вдвоём занесли её в магазин, прижимая к груди.

— Не геройствуй, — сказала она, когда мы поставили ко-

робку на стол. — У нас тут всё тяжёлое, даже лёгкое чтение.

Я сняла куртку. Она высохла за ночь, но рукава всё ещё держали форму вчерашних складок. Новое пальто осталось дома: утром потеплело, и тащить его без необходимости не хотелось.

Нину Павловну я встретила во дворе, когда выносила мусор. Показала фотографию извещения. Она надела очки, подвинула телефон подальше и прочла фамилию.

— Её. Может, пальто тоже её было. В комиссионке спросите, от кого приняли.

— А у вас ничего из её вещей не оставалось?

— Мебель кое-какая. Бумаги в доме были. Я сразу всё не выбросила, потом по коробкам разбирала. У нас здесь многие вещи по соседям ходили.

Она пообещала посмотреть бумаги прежних жильцов, когда освободится. Я сказала, что это не срочно, хотя мне очень хотелось получить объяснение прямо сейчас.

В магазине Даша уже сверяла выпечку с накладной.

— В следующий раз давайте в девять двадцать, — сказала она доставщику.

— Мне сказали к половине.

— Кто?

— У меня в маршруте написано.

Он показал экран. Там действительно стояло девять тридцать. Водитель с книгами отозвался из дверей, что у него тоже, и добавил, что очередь на выгрузку не входит в стои-

мость.

Я увидела на стене лист поставок. Хлеб: девять двадцать. Книги: девять тридцать. На столе под ним лежало распечатанное письмо пекарне — старое, с другим временем.

— У вас письмо не совпадает с расписанием, — сказала я Даше. — Можно я позвоню диспетчеру, пока вы принимаете?

Она передала мне телефон пекарни.

— Только не переноси на восемь. Я не встаю ради круассана, который потом съест кто-то другой.

Мы согласовали девять пятнадцать для следующих поставок. Я уточнила у Даши, успевает ли она к этому времени, попросила пекарню подтвердить изменение письмом и записала, с кем говорила. В следующий раз ящикам хлеба и книжным коробкам уже не придётся делить один квадратный метр.

Артём появился из подсобки с пустой тележкой.

— Я вижу, знакомство состоялось.

— Мы уже вместе спасли половину романа, — сказала Даша, показывая размокшее дно. — Остальное сухое. Варя, принеси, пожалуйста, ножницы. Они на стене, не те, которые для еды.

Среди бумаг на столе лежал приготовленный договор. Артём предложил сначала закончить с документами. Я прочла всё, что вчера слушала на словах, нашла в приложении обязанности и спросила, как заранее договариваются о вечерних

сменах.

— В общем календаре. Покажу после открытия. Если занят вечер, сразу отмечай.

Он подписал свой экземпляр. Я — свой.

В папке теперь лежало подтверждение, что я действительно работаю здесь. Захотелось отправить тёте фотографию первой страницы. Вместо этого я написала: «Начала. Всё нормально», убрала телефон и вернулась к коробке.

Даша оказалась невысокой, быстрой и совершенно не склонной двигаться молча. Она вслух считала стаканы, предупреждала, что открывает горячую духовку, и, проходя за спиной, коротко говорила «сзади». Через десять минут рядом с ней я перестала вздрагивать от чужих движений.

— Кофе сама пьёшь? — спросила она.

— Пью.

— Тогда начнём с того, что тебе нравится. Про молоко спросить успела, а про человека забыла.

Она поставила передо мной чашку, показала, где вода для сотрудников, и открыла тетрадь с графиком. В одной из ноябрьских клеток было крупно написано «КУРС», а рядом — три вопросительных знака.

— Пока не трогай. Это я думаю, как стать ещё дороже для работодателя.

— Учиться поедешь?

— Если найду, кто меня заменит на неделю. Курс по организации небольших мероприятий. Мне хочется делать что-

нибудь, кроме вечеров, где мы двадцать минут ищем переходник к колонке.

Она убрала тетрадь до того, как я успела предложить закрыть все её смены.

В десять мы открылись.

Первая покупательница хотела книгу, которую видела три года назад в другом городе. Обложка была «приятная». Второй точно помнил автора, но, как выяснилось, это было имя его знакомого, который книгу советовал. Даша объяснила мне, что такие запросы лучше записывать: иногда ответ приходит, когда человек уже ушёл, и тогда очень жалко не иметь номера.

Я завела отдельный лист. Нашла первый интернет-заказ, перепроверила состояние книги, позвонила покупательнице. Потом принялась за подержанные издания.

У них было два вида бумаг: небольшие учётные полоски, вложенные в книги, и приёмные квитанции, которые оставались в магазине. Для выставочных вещей использовали ещё отдельную папку. Её я решила пока не трогать, чтобы не начать первый день с трёх разных систем одновременно.

В папке квитанций находились даты, фамилии сдавших книги людей и перечни. Я разложила листы по дням приёма. Выправила угол, поставила прижим.

На книге, двигавшейся вчера, оказалась чужая полоска. Родную я нашла между двумя другими справочниками. Поменяла их местами, сверила номера и внесла исправление в

список. Бумага была просто бумагой. Никакого тепла в пальцах. Я даже почувствовала себя немного глупо из-за того, как осторожно её держала.

Артём подошёл с тонкой книгой в жёлтой обложке.

— Этот экземпляр на выдачу. «Домашняя выпечка». Заказ на Илью. Посмотри состояние до оплаты, вчерашний урок закрепим.

Я открыла книгу. Внизу титула стояло «Г. Ф. Ольховская», а на странице с пирогами виднелся старый след от стакана. В карточке оба недостатка были указаны. Фотография совпадала. Между задней обложкой и последним листом торчал угол сложенной бумаги с пометкой «Липовая улица — к выставке».

— Этот вкладыш к книге относится?

— Посмотри приёмку, — сказал Артём. — Книгу отдавали на продажу. Из неё хотели взять разворот для стенда, поэтому могли оставить пометку.

На квитанции от двадцать шестого августа было ясно написано «на продажу». Фамилия совпадала с надписью на титуле, внизу стояла подпись. Я убрала выставочную бумагу в прозрачный карман у прилавка: чужие служебные пометки покупателю ни к чему. На кармане карандашом написала номер экземпляра.

Илья пришёл в обед. Даша пробила покупку, а я показала надпись и пятно. Он сказал, что мать ищет именно такое издание и наверняка знает все рецепты наизусть, но хочет

сверяться.

— От себя ничего не добавляйте, — предупредила Даша. — Даже если вам кажется, что так будет вкуснее.

— Я как раз ничего не готовлю.

— Очень предусмотрительно.

Он улыбнулся, положил книгу в сумку и ушёл. Я записала выдачу и наконец достала бутерброд.

Даша показала мне небольшой стол за стеллажом и села напротив с тарелкой.

— Ты раньше в книжном работала?

— В лавке. Книги тоже были, но не только.

— Я думала, ты из большого магазина. Сразу пошла в квитанции.

— Мне проще, когда понятно, что откуда взялось.

Она соскребла соус со стенки контейнера.

— Здесь с этим бывает сложнее. То принесли, то передали через кого-то, то решили не продавать. И всегда в конце: «Вы же помните».

— Поэтому и хочу разложить.

— Артём обрадуется. Только поешь сначала.

В кофейном уголке звякнул звонок. Даша забрала тарелку, и я осталась одна. Доела, записала в блокнот два вопроса по программе и пошла за папкой.

Прижим лежал на столе. Квитанции были разложены в четыре стопки.

Я остановилась.

Наверху одной стояла фамилия Назарова. Под ней — лист, подписанный Волковым, дальше — снова Назарова. На второй стопке лежала квитанция Киселёва, затем Власовой. Даты не имели никакого порядка.

Может быть, я не так запомнила. Может быть, пока ела, Артём что-то искал.

Я подняла первую квитанцию. Назарова сдала книги из квартиры родителей; это было указано в примечании. На одной из этих книг я утром видела фамилию Кругловой. У Волкова тоже была старая книга с такой надписью — я отметила её именно потому, что фамилия уже попалась мне в доме Нины Павловны.

Я проверила ещё две позиции. Бумаги лежали рядом не по датам и не по людям, которые принесли книги. Они собирались по старым владельцам, чьи имена оставались внутри обложек.

Одна стопка — Круглова. Другая — Седов. Отдельно Ольховская. Четвёртая — книги без надписей.

Я опустила лист.

Не думать «вернуть». Не хвататься за бумагу, не пытаться немедленно всё исправить. За обедом я держала только бутерброд. Но до этого я работала с квитанциями, и мне очень хотелось навести порядок. Для неприятности иногда хватало и меньшего.

— Даша, вы здесь ничего не перекладывали?

Она подошла, вытирая руки.

— Нет. Что случилось?

— Я разложила по датам. Теперь по фамилиям. По тем, которые в книгах.

Даша посмотрела на стол без восторга.

— Опять.

Я подняла голову.

— Что опять?

— На прошлой неделе так же было. Я решила, Артём разбирал, он решил, я. Потом он говорит: давай не будем одновременно одну папку трогать. А я её вообще не трогала.

— Когда?

Она задумалась, вынула телефон и открыла переписку.

— Вот. Двадцать восьмого. Я ему ещё фотографию отправляла, потому что не могла найти квитанцию для расчёта.

На снимке был этот стол. Четыре стопки. Прижим сбоку. В углу кадра — Дашина рука с тонким ожогом на запястье, которого сегодня уже почти не было видно.

— Почему именно по этим фамилиям? — спросила она.

— Пока не знаю.

Это было правдой, и я с облегчением произнесла её вслух.

Даша отправила мне фотографию.

— Если поймёшь, скажи. А то я уже себе не доверяю.

Она ушла к покупателю. Я сверила дату ещё раз. Двадцать восьмого августа я была дома. Собирала вещи, слушала тётю и решала, можно ли упаковать ноутбук между двумя свитерами.

В тот день я даже не знала, примут ли меня в «Переплёт».

Я не стала сразу раскладывать квитанции обратно. Сначала сфотографировала каждую стопку так, чтобы было видно верхние листы. Затем положила рядом подписанный чистый лист: «Разбирает Варя. Пожалуйста, пока не перемещать».

Обычная просьба. Без нажима, без внутреннего приказа.

Впервые за день мне захотелось, чтобы проблема оказалась сложнее, чем я думала.

Глава 4. Чайник имеет мнение

— Если спросит, меня нет, — сказала Даша.

Я посмотрела на пустой зал.

— Кто?

— Человек, который сейчас позвонит и предложит нам провести бесплатный вечер про успех. Он пишет с шести утра. На всякий случай уточняю: мой успех сегодня заканчивается в шесть вечера.

Она завязала фартук и подняла крышку контейнера с лимонами.

Я провела ладонью по стойке. Со вчерашнего дня ничего не сдвинулось: папка лежала в шкафу, лист с моей просьбой — сверху. Перед уходом я показала Артёму фотографии. Он подтвердил, что квитанции не перекладывал, и предложил сначала проверить, кому ещё нужен был доступ к учёту. Разговор закончился на том, что отныне папку разбираю только я.

Я не стала объяснять, почему это не вполне успокаивает.

Второй день начался без толпы у служебного входа. Доставка приехала в согласованное время. Даша проверила количество, я занесла документы, водитель уехал. Оказалось, порядок не обязательно требовал чего-то особенного. Иногда хватало вчерашнего звонка.

Артём собирался отвезти восстановленные книги заказ-

чице и заехать за упаковочной бумагой. Перед уходом показал, где лежат расходные материалы, и попросил записывать всё, что нужно докупить.

— А скрепки можно просто взять? — спросила я.

— Можно.

— Хорошо.

— Варя, бумагу тоже.

Он ушёл, а Даша поставила на стол небольшой чайник с белым корпусом.

— Для тех, кто не хочет кофе. Розетка здесь. Включается вниз, выключается сам. Всё, что он умеет.

Позднее я вспоминала эту инструкцию с некоторой обидой.

В кофейном уголке стоял широкий латунный поднос с невысоким бортиком. На нём помещались чайник, сахарница и стопка маленьких блюдец. Одна ручка была обмотана тонкой бечёвкой. К бечёвке привязали картонную бирку с выцветшей надписью; её край задвинули под поднос, чтобы не мешался.

— Красивый, — сказала я.

— Из павильона. Нам принесли на время подготовки выставки. Я сначала хотела на стену повесить, но он тяжёлый. Зато стол не заливаем.

Я приподняла сахарницу, чтобы протереть липкий кружок. Бирка зацепилась за тряпку. На секунду я придержала её двумя пальцами. В ладони отозвалось слабое покалыва-

ние, и я тут же отпустила картон.

Даша уже говорила по телефону.

— Нет, бесплатно не получится. Потому что мы платим людям. Да, даже если вечер про успех.

Я поставила сахарницу на место. Поднос был старый, побывал в сотнях рук. С такими вещами следовало обращаться осторожно. Ничего больше не произошло.

До одиннадцати я успела принять три заказа и найти книгу, которую вчера искали по «приятной» обложке. Покупательница прислала фотографию похожего издания, и дальше всё оказалось просто. Я позвонила ей, отложила найденное и испытала тихое удовольствие, которого давно не получала от работы.

Потом пришла женщина с большим бумажным пакетом и попросила чай.

— Чёрный, без добавок. И можно мне вот туда? — Она показала на столик у окна. — Я подругу подожду.

Даша кивнула. Женщина расплатилась, взяла чек и отошла. Чайник щёлкнул.

— Сдачу возьмите, пожалуйста, — сказал он.

Женщина вернулась к кассе.

— Я картой платила.

Даша посмотрела на неё.

— Да, всё прошло.

— Вы сказали про сдачу.

— Я не говорила.

Мы помолчали. За дверью шуршали шины, в зале молодой мужчина читал аннотацию на задней обложке. Телефон у кассы лежал экраном вниз.

Я посмотрела на чайник.

Он медленно остывал, как положено предмету, которому нечего добавить.

— Наверное, с улицы, — сказала женщина и пошла к столику.

Даша потянулась за заварником.

— Сдачу возьмите, пожалуйста, — повторил чайник. Её голосом.

Рука Даши остановилась над крышкой.

— Варя.

— Я слышала.

— Хорошо. А то я уже приготовилась уйти домой.

Она наклонилась и заглянула за аппарат.

Я проверила телефон, хотя отлично понимала, что звук шёл не оттуда. Оба наших телефона молчали. Под стойкой не было ничего, кроме пакета с салфетками и коробки запасных крышек.

— Это умный? — спросила я.

— За девятьсот рублей он был очень разумным. До сегодняшнего утра.

Даша подняла чайник с основания. Из горлышка потянуло паром. Мы обе невольно подались назад.

— Сейчас я тихо уволюсь, — сообщил он.

Вчера, когда я уже надевала куртку, Даша произнесла эти слова перед таблицей расходов на мероприятия. Потом закрыла таблицу и пошла мыть стаканы. Голос совпадал до короткого смешка в конце.

Женщина у окна подняла голову.

— Девушка, я могу в другом месте чай попить, если вы закрываетесь.

— Мы не закрываемся, — сказала Даша. — У нас, кажется, неисправен чайник.

Мужчина с книгой подошёл ближе.

— Прикольно. Он случайные фразы выдаёт?

— Пока преимущественно мои, — ответила Даша.

Он достал телефон. Я шагнула к стойке.

— Пожалуйста, не снимайте сотрудницу. Нам нужно разобраться с прибором.

— Я чайник хотел.

— Мы его сейчас уберём.

Мужчина пожал плечами, опустил телефон и вернулся к стеллажу. Даша осторожно поставила чайник на основание. Я выдернула вилку из розетки.

— Горячее, не трогайте, — сказал он уже другим голосом, мужским и сердитым.

В кофейном уголке стало очень тихо.

Голос напоминал утреннего водителя. Произносил ли он эту фразу при разгрузке, я не помнила.

Даша смотрела на вилку в моей руке.

— Батарейка, — сказала она. — Где-то там батарейка. Или кто-то приклеил эту штуку, как в открытках.

— Может быть.

Женщина у окна встала.

— Вы только не обожгитесь с ним. Мне не срочно.

Она сказала это так буднично, что я вдруг смогла вдохнуть нормально. Пока никто не требовал ни объяснений мироустройства, ни моего увольнения. Нужно было убрать горячую воду и обслужить человека.

— Простите за задержку, — сказала я. — Чай сможем приготовить чуть позже. Если не хотите ждать, вернём оплату.

— Я подругу жду. Мне всё равно сидеть.

Даша взяла сухую салфетку, обернула ручку чайника и унесла его на свободный стол за стеллажом. Я отодвинула основание и размотала шнур. Никакого динамика под ним не оказалось. Жаль: маленькое устройство вернуло бы мне право считать себя обычным администратором.

Чайник молчал.

Даша включила выдачу горячей воды на кофемашине, прогрела чистый заварник, проверила воду и отнесла чай к окну. Женщина поблагодарила. Когда пришла её подруга, они сразу заговорили о своих делах. Хорошо, что наш чайник их больше не занимал.

— Давай поднос тоже уберём, — сказала я.

— Зачем?

— Проверим всё, что стояло рядом. Если это чья-то шутка, она может быть где угодно.

Я не солгала. Просто варианты у меня были другие.

Мы переставили сахарницу и блюдца. Под подносом обнаружились старое пятно от воды и три крошки. Даша взяла его за ручки, поставила вертикально на полотенце, осмотрела дно.

— Ничего. Даже фамилии шутника нет.

— Здесь бирка.

Я перевернула картонку, стараясь касаться только свободного угла. На ней было написано: «Липовая ул. Павильон. Чайная». Ниже стоял номер, а поверх старых букв — новая карандашная отметка для выставки.

Я знала это ощущение: слабое сопротивление, словно за листом бумаги тянулась нитка. В семейной лавке так отзывались вещи, отданные на починку и надолго забытые хозяевами. Но поднос не тянулся к человеку. От него отзывалось место, и след распадался, едва я пыталась различить направление.

Я отпустила бирку. Не сейчас. Горячая вода, открытый зал, чужие люди. Ничего не чинить на ходу.

— Его давно принесли? — спросила я.

— Неделю назад примерно. С коробкой для выставки. Мы тогда кофейный уголок переставляли, я его сюда и устроила.

— Кто принёс?

— Павел. Он всё это собирает. Руднев, краевед. На днях

должен зайти про праздник поговорить.

Даша вынула телефон и написала Артёму. Я увидела начало сообщения: «Чайник начал разговаривать. Мы обе слышали». Потом она добавила: «Отключили, не пользуемся».

— Надо было записать, — сказала она.

— Мы же не знали, что он повторит.

— И камера у кассы без звука. Придётся верить людям.

Ответ пришёл почти сразу. Артём попросил оставить всё до его возвращения и написал, что купит новый чайник по дороге.

Я взглянула на список покупок.

— Может, я за него…

— Не надо, — перебила Даша. — Ты к нам вчера пришла. Здесь вещи и до тебя ломались.

Я замолчала. Квитанции тоже перемещались до меня. Но именно сегодня я взялась за старую бирку, и именно после этого чайник решил повторять чужие слова. Успокоиться этим всё равно не получалось.

До возвращения Артёма прошло около часа. За это время никто не заговорил металлическим голосом, я выдала заказ с приятной обложкой, а Даша успела обсудить с женщинами у окна рецепт маринованных слив.

Старый чайник мы поставили в пустую коробку, не закрывая, чтобы высох. Поднос лежал отдельно на полке в подсобке. Я записала время первого голоса и все фразы, которые запомнила. Рядом с мужской поставила вопросительный знак.

Артём принёс новый чайник в заводской упаковке. Даша пересказала происшествие, включая собственное намерение тихо уволиться.

— Из-за таблицы? — спросил он.

— Именно.

— Посмотрим её вместе после закрытия.

— После закрытия я ухожу. Завтра в смену.

Он кивнул.

Даша ушла ставить новый прибор. Артём осмотрел старый, заглянул под основание и перевернул коробку, в которой тот теперь стоял.

— Вы его разбирали?

— Нет. Только отключили и убрали с подноса.

— А поднос зачем?

— Хотела проверить, нет ли под ним чего-нибудь.

Он посмотрел на полку. Я как раз поправляла бирку, чтобы не прижать её латунным краем, и остановилась с картонкой между пальцами.

— Ты её так держишь, будто обжечься можно, — сказал он.

— Боюсь порвать. Старая.

Я положила её поверх ручки.

Артём не стал спорить. Снял поднос с полки сам, держась за металл, осмотрел крепления и поставил обратно.

Я следила за его руками. Он ничего не почувствовал — во всяком случае, не показал. На пальце у него был неболь-

шой пластырь, на другом засох клей. Обычные руки человека, который чинит книги.

— До выяснения это в зал не возвращаем, — сказал он.

— Хорошо.

— И если снова что-то такое, сразу зови меня.

Я могла спросить, что он подразумевает под «такое». Вместо этого кивнула и взяла список заказов.

Новый чайник закипел, выключился и не произнёс ни слова.

Даша посмотрела на него, потом на часы.

— Уже нравится, — сказала она и пошла принимать следующего покупателя.

Глава 5. Комитет по сохранению прекрасного

Павел Руднев принёс фотографии, складную стойку и четыре тяжёлых зажима.

— Эти лучше ваших, — сказал он, положив зажимы на прилавок. — Не отлетают, когда открываешь дверь.

Я как раз стояла на стремянке и пыталась прикрепить афишу так, чтобы она не закрывала название магазина. От старого крепления остался кусочек пластика, который совершенно не помогал делу.

— Показать?

Я спустилась. Руднев развернул стойку, нажал на тугую пружину и закрепил лист. Потом переставил всё ближе к стене, оставив свободным проход.

— Здесь курьер не заденет. У вас в прошлый раз всем досталось, я видел.

— Спасибо. А стойку потом куда вернуть?

— Пока пользуйтесь. Для праздника всё равно нужна. Павел Руднев.

— Варя. Новый администратор.

— Знаю, Артём говорил. Очень вовремя вы появились.

Он снял короткий плащ, аккуратно повесил на спинку стула и достал из плоской сумки папку. Руки у него были

широкие, с квадратными ногтями; на манжете виднелся след мела. По тому, как он привычно оглядел стены и расстояние между столами, я поняла: магазин он знает хорошо.

Пятый день в Липовске начался спокойно. За вчерашнюю смену ни один предмет не сменил место без участия человека. Старый чайник стоял в подсобке, поднос лежал отдельно. Артём сказал, что при удобном случае покажет прибор мастеру, но в зал его возвращать не собирается.

Я успела сходить в комиссионку. Продавщица не стала сообщать чужие данные, зато согласилась передать мой номер человеку, сдавшему пальто. Я оставила короткую записку: «В подкладке найдена старая бумага. Хотела бы узнать, кому вернуть». До сих пор никто не позвонил.

Неизвестность раздражала. Зато обычные дела наконец перестали вызывать ощущение, что я зашла в чужой кабинет и сейчас меня попросят выйти. Я знала, где лежат ценники, как открывается заедающий шкаф и какой стол нельзя двигать одному, потому что ножка держится на честном слове Артёма.

Он вышел к нам из подсобки.

— Павел, добрый день. Стойку нашли?

— Как видишь. Только я хотел обсудить ещё место под старый план улицы.

Даша принесла кофе и села с тетрадью.

— Сразу скажу: кофейный уголок не переносим. В прошлый раз нам предложили торговать с подоконника.

— Это был предварительный вариант, — ответил Руднев.

— Поэтому я заранее.

Он улыбнулся и раскрыл папку.

Праздник Липовой улицы назначили на двадцать шестое октября. В павильоне собирались устроить выставку, во дворах — небольшие занятия, вечером — общее чаепитие. Магазину предлагали книжную программу и место для нескольких исторических стендов.

Руднев вынул фотографии из пластиковых карманов и разложил на столе, сразу показав, где оригиналы, а где копии.

На одном была улица без современных вывесок. На другом — открытая дверь павильона, длинные столы и женщины, занятые чем-то за самоваром. На третьем дети стояли с картонными домиками в руках. Мальчик на краю кадра отвёл свой домик далеко в сторону, чтобы не задеть соседний.

— Липовая раньше много чего сама делала, — сказал Руднев. — Кружки, вечера, ремонт. Люди не ждали, когда кто-нибудь за них организует. Я хочу показать именно это.

— Хорошая мысль, — сказала я.

Он подвинул ко мне фотографию павильона.

— Вот, например, общий стол. Каждый приносил своё. И все знали, кто что умеет.

— А если кто-то не хотел приносить? — спросила Даша.

— Значит, помогал по-другому.

Она посмотрела на него поверх тетради.

— Понятно.

Руднев не заметил или решил не замечать. Начал рассказывать, как удалось найти снимки: одну коробку отдали родственники бывшей заведующей клубом, несколько фотографий принёс мужчина, давно переехавший на другой конец города. Часть нужно было почистить и переснять. На это он потратил отпуск.

Я взяла копию с детьми. На обратной стороне карандашом были перечислены имена. У одного стоял вопросительный знак.

— Этого не нашли?

— Пока нет. Хочу подписать всех. Неправильно, когда человек есть на фотографии, а кто он, уже никому не интересно.

Он произнёс это без торжественности, и мне стало понятно, почему ему помогают. Он действительно делал работу, на которую у остальных не хватало времени.

— У нас можно устроить обмен книгами, — сказала я. — Люди принесут то, с чем готовы расстаться. И если захотят, напишут на отдельной карточке, почему книгу стоит прочесть.

Даша перевернула страницу.

— Сколько часов?

— Два. В начале дневной программы. Не весь день.

— Кто принимает книги?

— Я. Но условия нужно дать заранее. Чтобы не принесли

восемь мешков школьных учебников.

Артём кивнул.

— И отдельно от продаж. Чтобы ничего не смешалось.

— Конечно.

Руднев наклонился к схеме зала.

— А мне хотелось бы на этом месте поставить старый письменный стол. Он как раз из дома на улице. На нём можно разложить книги по семьям, которые здесь жили.

— Тогда людям негде будет подходить, — заметила Даша.

— Можно убрать вот этот стеллаж.

— За ним розетки и проход в подсобку, — сказал Артём. — Не получится.

Руднев достал карандаш.

— Если немного сдвинуть кофейную часть…

Даша закрыла тетрадь.

Он посмотрел на неё и отложил карандаш.

— Хорошо. Давайте подумаем иначе.

Мы подвинули схему и десять минут искали место, которое существовало бы не только на бумаге. Руднев соглашался на узкий стенд, но хотел поставить его у входа. Я прошла от двери с коробкой в руках, показывая, как туда входит доставка. Даша взяла поднос с пустыми чашками и показала свой маршрут. Артём молча убрал стул, который всё равно пришлось бы вынести.

В конце концов стенд поместился у дальнего окна. Руднев перечертил план без жалоб.

— Так даже лучше видно, — сказал он. — Свет ровный.

Он умел уступать, когда видел конкретную причину. Мне это понравилось, и я уже собиралась предложить помощь с подписями, когда Даша незаметно придвинула ко мне тетрадь. На новой странице стояло: «Обмен — 2 часа. Приёмка. Уборка. Сколько людей?»

Я остановилась.

— С подписями смогу помочь позже, если останется время, — сказала я. — Сначала распишу обмен.

Руднев кивнул, но вернулся к старому столу.

— Жаль, конечно. На своём месте вещи иначе смотрятся. Когда всё разнесено, смысл теряется.

— У нас теперь касса там, где на фотографии печка, — ответил Артём. — Печку возвращать не будем.

— Я не про печку. Людям нужно видеть, какой улица была. Не набор новых заведений с кусочками старины, а целое место.

Я посмотрела на фотографию. Крыльцо магазина тогда было другим, и возле него стоял велосипед с корзиной. Люди на снимке не позировали: кто-то выходил, придерживая дверь плечом, кто-то ругался с цепью велосипеда.

— Они ведь тоже что-то меняли, — сказала я. — До этой фотографии здесь, наверное, было иначе.

Руднев провёл большим пальцем по краю бумаги.

— Меняли. Но знали, что надо сохранить.

Мне захотелось спросить, кто именно знал, однако из за-

ла позвали Артёма. Даша встала к кофемашине. Разговор на минуту распался на обычные дела.

Я принялась собирать фотографии в том порядке, в каком Руднев их разложил. Под большим снимком павильона обнаружился другой: стол крупным планом, на нём связка канцелярских принадлежностей и лист с пробными оттисками печати.

В одном круге недоставало маленького участка ободка.

Я пододвинула снимок ближе.

— Это что за печать?

— Почтовый штемпель. Для небольшого стенда об улице. Здесь в разные годы много служб помещалось, не только магазины.

— На фотографии копия?

— Да. Оригинал слишком маленький, пришлось переснимать. Можно брать.

Я осторожно повернула лист. Разрыв был там же, где на извещении из пальто, — справа, чуть ниже середины. Рядом темнела похожая короткая черта.

— У Нины Павловны живёте? — спросил Руднев.

Я подняла голову.

— Да. Откуда вы знаете?

— Она вчера спрашивала, не осталось ли у меня фотографий её дома. Сказала, новая жильчиха заинтересовалась. Любопытство здесь полезно. Есть кому показывать то, что мы собираем.

Значит, Нина уже начала расспрашивать соседей.

— Я нашла старое извещение. В подкладке пальто из комиссионки. Там такой оттиск.

Руднев заинтересовался.

— Можете принести? В витрине хорошо смотрелось бы. Только не разглаживайте утюгом. Люди иногда так помогают, что потом нечего сохранять.

— Я его между страницами держу. Пока хочу разобраться, кому принадлежало.

— А что там за фамилия?

— Круглова.

— Евдокия Матвеевна. Её книги часто попадаются. Садоводством увлекалась. Вы сначала сфотографируйте целиком, обе стороны. Для начала этого хватит.

Я кивнула. Руднев вернулся к материалам, а я вспомнила, как сама оживлялась в лавке, когда приносили интересную вещь.

— И ещё, — сказала я. — Поднос из павильона. Его лучше забрать, мы убрали из зала.

Руднев посмотрел в сторону кофейного уголка.

— Почему?

— С чайником было странное. Даша вам расскажет. Решили пока ничего старого туда не ставить.

Он помолчал, потом поднялся.

— Конечно. Поднос вообще для выставки, пользоваться им не обязательно. Покажите, где лежит.

Артём вернулся из зала и сам принёс поднос. Даша кратко пересказала случившееся. Руднев внимательно выслушал, спросил, не оставляли ли рядом телефон, и, узнав, что проверяли, больше не стал предлагать объяснений.

— У меня в старом приёмнике однажды соседский разговор был слышен, — сказал он. — Но я в этом не специалист. Чайник правильно убрали.

Он завернул поднос в мягкую ткань из своей сумки. Он поправил бирку с привычной музейной аккуратностью, уложив её поверх ручки, точно как вчера сделала я.

— Ещё кулинарная книга была в материалах. Ольховская приносила. Можно её на минуту?

— Продали, — ответил Артём. — Она сдала на продажу.

Руднев перестал затягивать ткань.

— Уже?

— Три дня назад. Фотографии нужного разворота у вас должны быть.

— Есть. Просто сам экземпляр лучше работает.

Он произнёс это без раздражения, но сложил ткань ещё раз, хотя и так было ровно.

— Я проверяла квитанцию, — сказала я. — Всё правильно.

— Я не сомневаюсь. Тогда обойдёмся снимками.

Мы договорились, что он пришлёт окончательный размер стенда, а я — условия обмена. На выходе Руднев придержал стойку, чтобы Даша могла пройти с коробкой молока, и на-

помнил, как снять зажимы, не прищемив пальцы.

После его ухода Артём вернулся к заказчице. Мы с Дашей убрали со стола пустые чашки.

— Он хороший, — сказала она. — Просто если дать ему свободную стену, через неделю она окажется историческим объектом.

— Он много для улицы делает.

— Очень. Только мы тоже здесь живём, а не временно портим экспозицию.

Она открыла тетрадь на странице обмена.

Мы расписали, что понадобится. Два стола, таблички, место для пустых коробок. Принимать не всё подряд; разрешить человеку передумать до начала обмена. Не просить Дашу одновременно готовить кофе и оценивать состояние книг.

Когда список был готов, я отправила Артёму, а затем открыла фотографию извещения. Рядом на столе лежала оставленная для стенда копия снимка со штемпелем.

Я увеличила изображение на телефоне. Сравнила разрыв ободка, расстояние до буквы и короткую черту. Они совпали.

Старый поднос уже унесли обратно к выставочным вещам. Настоящего штемпеля я пока не видела. Но, судя по двум одинаковым повреждениям ободка, след на бумаге из моего пальто и след на архивной фотографии оставила одна и та же печать.

Глава 6. Покупатель всегда возвращается

Илья позвонил в воскресенье и спросил, не возвращали ли мы себе его книгу.

Вчера у меня был выходной. Я постирала вещи, купила продукты и почти убедила себя, что первая рабочая неделя в новом месте вполне могла оказаться труднее обычного. Утренний звонок заставил отложить это утешение.

— В каком смысле? — спросила я.

— В прямом. Я у вас во вторник «Домашнюю выпечку» купил. Она исчезла.

Я посмотрела на журнал выдачи. Второе сентября, оплачено, выдано. Моя отметка.

— Вы её в магазине не забыли? Может, заходили потом?

— Нет. Я её домой принёс. Положил на стол. Собирался сегодня матери отвезти. А книги нет.

Он говорил не сердито, скорее с той настойчивой вежливостью, которой люди пользуются, когда ещё надеются обнаружить простую ошибку.

— К вам кто-нибудь приходил?

— Варя, я живу один. Ко мне даже курьер не поднимается. Пакет на ручке оставляет.

Я не помнила, называла ли ему своё имя. Наверное, назы-

вала: пять дней назад я очень старалась быть хорошим новым сотрудником.

— Я проверю у нас. Перезвоню минут через двадцать.

— Проверьте. Я понимаю, звучит глупо. Но там ваша наклейка с номером, вдруг кто-то принёс. Я рядом живу, в шестом доме.

Я записала адрес и отключилась.

Даша составляла список продуктов на следующую неделю. От нового чайника поднимался пар. Он исправно делал своё дело уже несколько дней, и я почти перестала прислушиваться к каждому щелчку.

— Покупатель выпечки? — спросила она.

— Книги про выпечку. Пропала у него дома.

— У нас смотрела?

— Сейчас посмотрю.

Мы проверили стол выдачи, полки возврата, коробку за кассой. Книги не было. Артём приехал с коробками для будущего обмена, и я рассказала ему о звонке.

— Камеру у кассы можно посмотреть? — спросила я. — Он её точно забрал, но лучше проверить.

— Можно. Упаковку мы ему давали?

— Он в свою сумку положил.

На записи всё оказалось именно так. Я показала книгу, Даша приняла оплату, Илья убрал покупку в сумку. Я посмотрела ещё минуту после его ухода. Никто не подменял издание, не возвращал его на стол, не передавал другому че-

ловеку.

В моей памяти не было ошибки. Сейчас это не обрадовало.

Я позвонила Илье и сказала, что у нас книга не обнаружилась. Он поблагодарил, помолчал и признался, что уже дважды перебрал весь стол.

— Может, ещё найдётся, — сказала я и сразу пожалела. Так говорили люди, которые не собирались помогать дальше.

— Может.

Он отключился.

Ближе к полудню вошла женщина в светлой вязаной кофте. Поставила на прилавок сумку, достала свёрток в кухонном полотенце и развернула.

Жёлтая обложка. «Домашняя выпечка».

Я подняла глаза.

— Эта книга ваша?

— Была моя. Я вам её на продажу отдавала. — Женщина поправила очки. — Ольховская, Галина Фёдоровна. Мне за неё деньги уже перевели. А вчера она опять дома лежит.

Я не прикоснулась к обложке.

— Где лежит?

— На табурете у двери. Я сумку туда ставлю. Вернулась от дочери, думала, соседка что-то принесла. Там сверху пакет с яблоками был. Вечером яблоки убрала, а под ним книга.

Даша подошла ближе.

— Вы кому-нибудь давали ключи?

— Дочери. Но я у неё была. Соседка яблоки передала на лестнице, я сама их поставила. — Галина Фёдоровна посмотрела на нас. — Я не жаловаться пришла. Только не пойму, зачем вернули и не позвонили. Я бы сама забрала, если не продалась.

На секунду мне захотелось согласиться. Сказать, что произошла путаница, принять книгу и отпустить её. Дождаться, пока зал опустеет, и исправить всё без свидетелей, вопросов и чужой тревоги.

Я посмотрела на подпись в журнале выдачи.

— Мы её продали. Человек забрал покупку. Он сегодня утром звонил, что она пропала.

Женщина убрала руку с полотенца.

— То есть как пропала?

— Мы пока не знаем. Можно сверить экземпляр?

Она подвинула свёрток.

Я принесла чистый лист, положила рядом карандаш и осторожно открыла обложку. Под пальцами ничего не отозвалось. На титуле стояли те же инициалы. На странице с пирогами — тот же светлый круг. В уголке не хватало маленького треугольника бумаги, видимого на фотографии в карточке.

Экземпляр был тот самый.

Я позвала Артёма.

Он выслушал Галину Фёдоровну, сверил номер на наклейке и спросил, можем ли мы пока оставить книгу у себя. Она

сразу согласилась.

— Мне и не нужна, — сказала она. — Я ведь для этого отдала.

Даша принесла стул. Женщина села, положив сумку на колени, а я нашла её квитанцию. Двадцать шестое августа. Принято на продажу. Выплата после реализации — отмечена.

Галина Фёдоровна провела пальцем по своей подписи.

— Всё верно. Только почему вы спрашиваете так, словно я тайком к вам за ней ходила?

— Простите, — сказал Артём. — Мы не это имеем в виду. Нам важно понять, где ошиблись.

— Я просто хочу, чтобы у человека была его покупка. И у меня — свободная полка.

Я кивнула и позвонила Илье. Сказала, что книгу принесли, объяснила, кто. Он долго молчал.

— Сейчас не могу прийти. После трёх буду. Только оставьте её там, пожалуйста.

— Оставим.

Я произнесла это осторожно. За саму книгу ручаться я уже не могла. Но мы-то её никуда не понесём.

Галина Фёдоровна поднялась. Задерживаться до трёх у неё не было возможности. Мы записали её телефон, адрес — Липовая, восемь — и время, когда она обнаружила книгу. Артём предложил позвонить после разговора с покупателем.

У дверей женщина остановилась.

— Вы если увидите там пометки на полях, не стирайте. В

рецепте песочного теста масла меньше надо. Я исправила.

— Сохраним, — сказала я.

— Только ему скажите. А то будет делать по печатному и скажет, что книга плохая.

Она улыбнулась впервые за весь разговор. Потом подтянула сумку и ушла.

Даша посмотрела на свёрток.

— Ладно. Я ещё могу представить, что кто-то взял книгу у Ильи и занёс соседке. Они рядом живут. Но зачем?

— И откуда он знал, кому нести? — спросил Артём.

Я вспомнила выставочный вкладыш.

— Возможно, здесь есть адрес. Я служебную бумагу перед продажей убрала.

Прозрачный карман висел у кассы. Внутри были два листка: заметка о дефекте другого издания и сложенная бумага из «Домашней выпечки». Я достала вторую, развернула полностью.

Снаружи: «Липовая улица — к выставке». Внутри — название, фамилия и адрес Галины Фёдоровны. Ниже стояли строки: «Предоставлено для съёмки. После использования вернуть владельцу». Дата — двадцать второе августа.

— Вот, — сказала Даша. — Сначала на выставку отдали, потом решили продать.

— Да, — ответил Артём. — Она разрешила снять нужные страницы. Потом принесла квитанцию на продажу. Я сам оформлял.

Я положила бумаги рядом. На одной книге было два разных распоряжения. Раннее требовало вернуть прежней хозяйке. Позднее позволяло продать.

Для магазина это была обычная последовательность. Человек передумал, оформил новое решение, мы его выполнили. Старый вкладыш следовало убрать, и я его убрала.

Но книга вернулась всё равно.

Я вспомнила коробку на семейной ярмарке и стиснула край стола вместо бумаги.

— В выставочном списке продажу отметили? — спросила я.

Артём открыл общую папку с материалами праздника. Там была копия перечня, которую прислал Руднев. Напротив книги всё ещё значилось: «Г. Ф. Ольховская. Возврат».

— Не обновили, — сказал он. — Напишу Павлу.

— А кто-нибудь, кроме нас, мог получить этот список?

— Те, кто помогают с выставкой. Он не секретный.

Обычное объяснение оставалось возможным. Кто-то увидел старую запись, по какой-то причине получил книгу и решил вернуть по указанному адресу. Но в таком объяснении недоставало главного: человека, который взял её у Ильи.

Я сфотографировала вкладыш рядом с квитанцией и сохранила строку из списка. Разбираться лучше по бумагам: память уже подсовывала мне слишком удобные объяснения.

До трёх было ещё время. Я занялась поступившими заказами. Даша попросила проверить остаток стаканов, Артём

собирал коробки для обмена. Жёлтая книга лежала на отдельном столе, и каждый из нас время от времени смотрел в ту сторону.

Ничего не происходило.

Илья пришёл в четверть четвёртого. Открыл книгу, посмотрел на титул и пятно, потом на нас.

— Да. Она.

— У прежней хозяйки есть такой же адрес в старой бумаге для выставки, — объяснил Артём. — Мы нашли запись, которую не обновили. Пока не понимаем, как книга оказалась у неё дома.

— А от меня её кто забрал?

— Не знаем.

Он сунул руки в карманы и отошёл от прилавка. В зале была ещё одна покупательница, Даша увела её к дальнему стеллажу, чтобы не мешать разговору.

— У меня дверь была закрыта, — сказал Илья. — Книга лежала на столе. Я её в среду вечером видел, в четверг уже не нашёл. Мать сегодня ждёт. Мне теперь что ей рассказывать?

— Можем вернуть оплату, — сказал Артём. — Или вы заберёте книгу, а мы продолжим разбираться с записью. Как вам удобнее.

— Нет. Я её больше не хочу. Я понимаю, что вы тоже не знаете. Но дарить такое не буду.

Я приготовила возврат, попросила Дашу проверить операцию. Илья приложил карту, дождался подтверждения и сфо-

тографировал книгу на столе. Я промолчала. Пусть у него хотя бы останется снимок.

— Если выяснится, позвоните, — сказал он.

— Позвоним, — ответил Артём.

Дверь закрылась. На этот раз у нас не получилось найти замену, удачно пошутить и отпустить довольного покупателя. У человека исчезла вещь из дома. Возвращённые деньги объяснения не заменяли.

Я положила квитанцию рядом с книгой.

— Я должна была сразу прочитать вкладыш целиком.

— Для продажи ты проверила нужные документы, — сказал Артём. — Старую пометку убрала. Дальше мы пока ничего не знаем.

— Но список…

— Список не может сам забрать книгу из квартиры.

Я посмотрела на него.

Он стоял у стола, держа телефон, на котором ещё был открыт перечень. Его голос не изменился, но большой палец перестал двигаться по экрану.

— Варя, ты с таким раньше сталкивалась?

Даша вернулась к кофейному уголку. Покупательница расплачивалась у терминала. Вопрос был задан негромко, и я могла ответить так же.

Да. Я знала, как вещи выбирают старую привязанность. Знала, что бумага иногда удерживает не только написанные слова. И знала, что совсем недавно несколько семей получи-

ли назад то, с чем давно расстались, потому что я решила помочь всем сразу.

Но сказать это означало объяснить и остальное. Книгу на собеседовании. Бирку на подносе. Почему я не удивилась так, как должна была, когда чайник заговорил Дашиным голосом.

— У нас в лавке вещи часто путали, — сказала я. — Приносили на починку, потом забывали, забирали не своё.

Артём подождал.

Я не добавила ничего.

— Если заметишь ещё какую-то связь, скажи, — произнёс он наконец. — Даже если она покажется странной.

— Хорошо.

Он забрал копию списка и ушёл в подсобку. Я осталась возле книги.

Вечером мы позвонили Галине Фёдоровне. Она выслушала, спросила, не нужно ли ей вернуть выплаченные деньги, и успокоилась, когда Артём сказал, что её продажа остаётся в силе, а возврат покупателя — вопрос магазина.

Потом он передал телефон мне, чтобы уточнить подпись на старом вкладыше.

— Я сначала думала, пусть только снимут, — сказала она. — А потом решила отдать совсем. У меня три полки кулинарии. Я столько уже не готовлю.

— Не жалели?

Она ответила не сразу.

— Жалела. Конечно. Но это не значит, что я хочу обратно. У меня и дочь в другом городе живёт, я тоже скучаю. Не тащить же её домой из-за этого.

Я посмотрела на две бумаги.

— Понимаю.

— Вы лучше место на обмене оставьте. Я ещё книги переберу. Только те, которые точно отдам, без вот этого хождения туда-сюда.

Я записала её просьбу. Мы попрощались.

После закрытия я задержалась у стола, хотя документы уже были убраны, касса сверена, а Даша надела куртку.

— Идёшь? — спросила она.

— Ещё минуту.

— Ты весь день на эту книгу смотришь. Она от этого понятнее не становится.

— Знаю.

— Завтра свежей головой попробуешь.

Даша ушла. Я взяла блокнот и записала только то, что могла подтвердить: продажа второго сентября; исчезновение не позднее четвёртого; появление у прежней хозяйки вечером шестого; возврат оплаты седьмого. Подчеркнула, что приёмная квитанция новее выставочного вкладыша.

Книгу оставила на отдельном столе. Старую бумагу положила в конверт и подписала номер экземпляра. Никаких заклинаний, только аккуратный учёт.

Рядом оставалось свободное место для ещё одной записи.

Что произойдёт, если я вообще не буду к ней прикасаться?

Глава 7. Не я одна

В понедельник я пришла с линейкой.

Даша посмотрела на неё, потом на меня.

— Будем измерять ущерб?

— Пока стол.

Она сняла с плеча сумку и повесила куртку. До открытия оставалось полчаса. Артём принимал во дворе коробки, кофемашина прогревалась, а жёлтая книга лежала там, где мы оставили её вчера. За ночь никто не увёз её ни к прежней хозяйке, ни к Илье.

Мне хотелось решить, что всё кончилось. Но для такого вывода у меня было ровно одно основание: очень хотелось.

Я достала несколько узких полосок бумаги.

— Поможешь? Нужно отметить, где она сейчас лежит.

— Зачем?

— Если опять окажется не там, хотя бы будем знать, откуда начала.

Даша не засмеялась. После чайника наши представления о бессмысленной работе заметно расширились.

Я попросила её наклеить две полоски на стол возле углов обложки. Клейкая часть оставалась под бумажками и книги не касалась. Между жёлтым корешком и краем стола было двадцать три сантиметра. Мы проверили, не качается ли стол, убрали с него всё лишнее и закрыли дверь во двор, что-

бы не тянуло.

— А вдруг она стесняется при людях? — спросила Даша.

— Тогда у нас появится ещё одна общая черта.

— Я не стесняюсь. Я просто за отдельную оплату.

Она вернулась к стойке. Я поставила телефон на полку, прислонив к тяжёлому справочнику, включила запись и села так, чтобы видеть экран и стол. Книга целиком помещалась в кадре, вместе с бумажными уголками.

Прежде чем убрать руки на колени, я показала их камере. Получилось так, словно сейчас собиралась достать голубя.

Дома тётя велела бы сначала разобраться с собственной тревогой. Это был хороший совет, но на него обычно уходило больше времени, чем на всё остальное.

Я не касалась ни книги, ни вкладыша, ни квитанции. Конверт со старой бумажкой лежал в шкафу. Я пришла в куртке; старое пальто осталось дома.

Первые две минуты я следила за обложкой так напряжённо, что к третьей у меня заболели глаза от неподвижного взгляда. Пришлось поморгать. В кофейном уголке звякнула ложка, Даша негромко выругалась: у банки с сахаром опять заело крышку.

Книга лежала.

Я уже представила, как буду каждый день проводить по полчаса перед неподвижной выпечкой, постепенно теряя работу и остатки здравого смысла.

Потом бумажный уголок показался из-под обложки.

Я выпрямилась, но рук не подняла.

Жёлтая книга медленно сдвигалась по столу. Не летела и не дёргалась. Скользила ровно, как если бы кто-то тянул её за невидимую нитку. По дереву прошёл короткий сухой шорох. От края полоски до корешка появился просвет.

Я перестала дышать.

Книга остановилась.

Только тогда я позвала Дашу.

Она подошла с полотенцем в руке, посмотрела на разметку и несколько секунд молчала.

— Ты двигала?

— Нет.

— Стол?

— Тоже нет.

Мы обе посмотрели на его ножки. Одна стояла на тёмной потёртости пола, остальные — там же, где прежде. В стол никто не упирался, скатерти на нём не было.

Я остановила запись. На экране движение получилось почти обидно маленьким: несколько сантиметров, будто я снимала не невозможное событие, а плохо выставленный товар. Но руки мои оставались видны в нижнем углу кадра.

Даша просмотрела кусок дважды.

— Это же не от того, что стол кривой?

Я положила рядом карандаш. Он не покатился. Потом, уже не боясь испортить закончившийся опыт, поставила книгу на прежнее место и слегка подтолкнула. Она сразу

остановилась.

— Не похоже.

Даша вытерла сухие руки полотенцем.

— Мне надо кофе проверить.

Я кивнула.

— И Артёму покажи. Сразу, ладно?

Она ушла, а я пересмотрела запись ещё раз. Мне хотелось увидеть больше: направление, причину, хоть краешек того, что сдвинуло книгу. Телефон показал только стол и жёлтую обложку. Этого было достаточно для одного вывода, зато важного.

Я не делала этого сейчас.

Пальцы не покалывало. Внутреннего рывка, который я знала с детства, тоже не было. Конечно, я прикасалась к книге раньше. Одного утра не хватало, чтобы понять всё. Но были ещё августовский снимок Даши и странности до моего приезда.

Липовск справлялся без меня.

Облегчение пришло неожиданно сильное. Я опустила лицо в ладони и впервые с того дня, как села в автобус, позволила себе несколько секунд ничего не исправлять.

Артём вошёл, неся плоскую коробку.

— Что у нас?

Я подняла голову.

— Книга сдвинулась. Я сняла.

Он поставил коробку на пол и подошёл. Я протянула те-

лефон, заранее готовясь к вопросам, на которые у меня не было удобных ответов.

Артём посмотрел видео целиком. Потом вернулся к началу и проверил время.

— Дверь была закрыта?

— Да.

— Кто-нибудь стоял с той стороны?

— Нет. Даша была у кофе.

Он посмотрел на полоски, провёл ладонью под столешницей, будто там мог оказаться механизм. Я не стала говорить, что уже проверяла.

— Давай пока уберём её с открытого стола.

— Куда?

Он принёс широкую картонную коробку, положил на дно чистую бумагу и сам перенёс книгу. На крышке я написала номер экземпляра и дату. Коробку поставили на нижнюю полку в подсобке, подальше от края.

— Крышку не заклеивай, — сказал Артём. — Я ещё посмотрю.

Мне не понравилось, как привычно это прозвучало.

— Ты думаешь, дело в книге?

— Думаю, не надо оставлять её там, где кто-нибудь случайно унесёт.

Это было разумно. И совсем не отвечало на мой вопрос.

Я могла бы повторить его. Вместо этого спросила про Руднева.

— Он ответил?

Артём достал телефон.

Павел писал, что в общей папке действительно остался ранний вариант списка. Продажу он узнал только в пятницу и собирался поправить данные перед печатью. Просил пока ничего не выбрасывать: даже ненужный вкладыш помогал понять, какие страницы уже сняты. Ниже шло сообщение о размере стенда.

— Исправленный вариант пришлёт вечером, — сказал Артём.

— А бумагу нужно ему отдавать?

— Нет. Пусть сначала разберёмся с книгой. Она у нас побывала на продаже, документы тоже наши.

Я убрала конверт в ту же папку, где лежала квитанция. Оригиналы сохранились, и это почему-то успокаивало больше, чем аккуратная коробка.

Когда Артём отошёл, я сохранила видео отдельно и записала время. В графе «направление» написала: «к переднему краю стола». Куда вёл этот путь, ещё предстояло проверить. Сейчас пора было открывать магазин.

В половине одиннадцатого пришла женщина за школьным словарём. За ней — мужчина, которому требовалась книга для человека, «вообще ничего не читающего». До обеда я продала четыре издания, нашла потерявшийся заказ и выяснила, что рабочий день может продолжаться даже после того, как вещь у тебя на глазах нарушила несколько законов

природы.

К вечеру я устала обычным образом. Болели ноги, хотелось есть и снять резинку с волос. Это была приятная, понятная усталость. В ней не было дрожи, из-за которой невозможно застегнуть пуговицу.

У дома Нины Павловны пахло укропом.

Она сидела на крыльце и перебирала зелень в металлической миске. Пломбир лежал рядом, придавив хвостом край полотенца.

— Ужинали? — спросила она.

— Собиралась.

— Возьмите картошку. Я много сварила.

Я не стала рассказывать, что планировала обойтись бутербродом. Мы поели у неё на кухне, и разговор впервые не требовал от меня ни резюме, ни объяснений, ни ответа на вопрос, когда я устрою свою жизнь. Нина Павловна рассказывала про слесаря, который обещал зайти «после обеда», но не уточнил, в какой день.

На холодильнике магнитом была прижата открытка из города, куда уехала её внучка. Я спросила про картинку, и хозяйка показала телефон: общежитие, лестница, очень серьёзная девушка на фоне окна.

— Комнату уже обживает, — сказала Нина Павловна. — Ей всё там нравится.

В её голосе слышалось, что лично ей нравилось не всё.

Я не стала советовать. Подвинула миску, чтобы ей было

удобнее положить укроп, и спросила, далеко ли отсюда павильон.

— Через сквер. Выйдете к старой липе и налево. Там сейчас вечерами двери открыты, Руднев с помощниками таскает своё хозяйство.

— Хочу посмотреть, где будет праздник.

— Посмотрите. Только не соглашайтесь сразу всё расставлять.

После ужина я вышла пройтись. Пломбир поднялся с крыльца и отправился следом, будто мы давно договорились.

Через два дома кот обогнал меня. Он шёл не у ног, а по своим делам: проверял калитки, останавливался у травы, однажды долго разглядывал пустое место возле скамейки. Когда я звала, не отвечал. Зато стоило мне свернуть не туда, он оказался впереди на правильной дорожке.

Павильон был одноэтажным, с застеклённой верандой. Дверь держал деревянный клин. Внутри виднелись стремянка, свёрнутые плакаты и мужчина, складывавший пустые ящики. Судя по ящикам, до праздника здесь предстояло ещё немало уборки.

На крыльцо вышла женщина с ведром.

— Вы к Павлу?

— Нет, я из «Переплёта». Посмотреть хотела.

— Он ушёл уже. Можно завтра. Мы закрываем.

Я поблагодарила и отступила, чтобы пропустить её. Пломбир стоял у нижней ступеньки.

— Пойдём.

Кот поднялся на крыльцо, потянул носом и остановился.

Я видела, как он ставил переднюю лапу на доску у входа. До порога оставалось несколько сантиметров. Пломбир вдруг отдёрнул лапу, прижал уши и попятился так резко, что задел мою ногу.

— Что там?

Он не посмотрел на меня. Шерсть вдоль спины поднялась, хвост стал толще. Кот следил за открытой дверью.

Я тоже посмотрела.

Мужчина внутри поднял ящик. Женщина поставила ведро. Ничего не изменилось. Из помещения пахло влажным деревом и краской.

Может, он почуял собаку? Я посмотрела в зал ещё раз, но ничего необычного не заметила и отошла вместе с котом.

Мы отошли к липе. Здесь кот опустил хвост, сел и принялся умываться с таким старанием, будто неприятное место можно было стереть с усов.

На обратном пути я достала телефон. В переписке с тётей последним стояло её утреннее: «Как вторая неделя?»

Можно было написать, что я всё-таки ошиблась городом. Купить билет, собрать чемодан, вернуть ключи. Дома мне выделили бы стол в лавке и несколько месяцев говорили бы особенно ласково.

Я остановилась у освещённого окна «Переплёта». Магазин уже закрылся. За стеклом стоял стенд, который мы с Да-

шей наконец сумели разместить так, чтобы никому не мешать.

Работа мне нравилась. Комната тоже. И сегодняшняя книга не должна была решать за меня, сколько я здесь проживу.

Тёте я ответила: «Работаю. Осваиваюсь».

Потом открыла блокнот и написала три вещи, которые уже могла проверить: документы, места, люди. Под ними — вопрос для утра.

Кому ещё на Липовой возвращали то, с чем он давно расстался?

Пломбир тёрся о мой ботинок. Я убрала телефон и пошла домой. Билет покупать не стала.

Глава 8. Бюро вещей, которые передумали

Первой в наше бюро находок принесли мужа.

Женщина в бордовом плаще остановилась перед столом и подвела к нему невысокого мужчину с пакетом из хозяйственного магазина.

— Вот, — сказала она. — Нашёлся.

Мужчина посмотрел на меня с усталым достоинством.

— Я за прокладкой ходил.

— Два часа.

— Там не было нужной.

— И позвонить у них тоже не было?

Я посмотрела на табличку. «Липовая улица. Стол находок. Четверг, с четырёх до шести». Про людей ничего не говорилось.

— Мы пока только вещи принимаем.

— Жаль, — сказала женщина и повернулась к мужу. — Пошли домой. Нашедшему спасибо.

Он поднял пакет, показывая мне маленькое резиновое кольцо.

Я кивнула с уважением к добыче.

Когда они ушли, Даша отвернулась к кофемашине. Плечи у неё дрожали.

— Даже не начинай, — сказала я.

— Я ничего. У тебя просто сразу сложный случай.

Было четверть пятого. За первые пятнадцать минут нам ещё не принесли ни одной вещи, зато я уже поняла, что объявление следовало писать подробнее.

За три дня между опытом с книгой и открытием стола находок я успела несколько раз пересмотреть свои намерения. В первый вечер хотелось собрать все странности улицы. На следующее утро стало ясно, что никто не обязан рассказывать незнакомой сотруднице книжного о том, что считает собственным недосмотром.

Поэтому Артёму я предложила обычное дело: на время подготовки праздника завести место, куда можно принести найденную перчатку или оставить сообщение о потерянном зонте. Он разрешил выделить стол на два часа в неделю. Ценные вещи, документы и ключи с адресами мы не выставляли; чужие номера телефонов тоже не собирались развешивать на виду.

— И не обещай, что всё найдём, — добавил он.

Обещать это мне как раз хотелось больше всего.

Даша помогла освободить стол у дальнего окна. Рядом поставили две коробки: одну для находок, другую для упаковки. Я распечатала небольшие карточки и оставила место под дату, описание и контакт. Последнюю строку пришлось дописать от руки: «Где это произошло?»

Именно ради неё я всё затевала, но Артёму не сказала.

После супругов пришёл пожилой мужчина с серой варежкой.

— Возле сквера подобрал. Хорошая, ручная работа.

Из его кармана торчала точно такая же.

Я осторожно указала на неё.

Он вытащил вторую, повертел обе, потом посмотрел на подкладку.

— Жена вчера сунула. Я думал, платок.

Мы вместе выяснили, что утром он выронил одну варежку, а на обратном пути нашёл. Мужчина заметно повеселел.

— Значит, день удачный.

— Очень. Даже заявление заполнять не нужно.

Он купил у Даши чай и сел у окна. Варежки положил перед собой, чтобы больше ничего не начинать.

Я зачеркнула половину пустой карточки. Не всякая история о возвращении требовала ведьмы. Иногда хватало глубокого кармана.

Следующей посетительницей оказалась женщина примерно моего возраста с коробкой от утюга. Она поставила её на стол и сняла крышку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.